

Саша
БУШМИНА

ВТОРОЙ Манс для
БЫВШЕГО
Мужа

Саша Бушмина

Второй шанс для бывшего мужа

«Автор»

2026

Бушмина С.

Второй шанс для бывшего мужа / С. Бушмина — «Автор», 2026

– Ты скрыла от меня сына! – рычит бывший муж, надвигаясь на меня и оттесняя к стене. – Никого я от тебя не скрывала, Багров. Это не твой ребенок, – лгу дрожащим голосом. Ему незачем знать, что после развода я ушла беременная. Мы теперь чужие люди. – Не мой?? Мы развелись, а через семь месяцев ты родила! Не делай из меня идиота! – рывкает он еще громче. – Это больше не имеет значения! Мы в разводе и Матвей – только мой сын, и точка! Отца у него нет! – О нет, дорогая, ты ошибаешься, – усмехается Багров, склоняясь ко мне и выдыхая прямо в губы, – Отец у него есть. И я ни за что не позволю больше отобрать у меня сына.

© Бушмина С., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	7
Глава 3	9
Глава 4	11
Глава 5	13
Глава 6	15
Глава 7	17
Глава 8	20
Конец ознакомительного фрагмента.	22

Саша Бушмина

Второй шанс для бывшего мужа

Глава 1

– Ты мне надоела. Я бросаю тебя.

Я замираю на пороге кухни с полотенцем в руках.

Хотела позвать мужа ужинать, и заодно сделать важное заявление...

Только что собиралась вытащить из духовки запеканку, его любимую, с курицей и грибами.

– Что? – спрашиваю я непонимающе.

Игнат делает шаг вперед, задевая меня плечом и оказываясь наконец на кухне.

Лицо у него спокойное, собранное, и такое ощущение, что с толикой безразличия, когда он обводит взглядом пространство.

– Что слышала. Мы разводимся. Ты серая и скучная.

– Игнат, ты... в смысле? Все же было нормальн... – даже договорить не успеваю.

– Соня, ну давай без этих круглых глаз, а? – Игнат морщится и перебивает меня, – Разве сама все не видишь?

– Что я должна увидеть?! – я срываюсь на крик, в то время как сердце в груди сжимается так, что дышать становится невыносимо.

– Не ори. Раз не понимаешь, объясню. – Игнат тяжело вздыхает. – Мы живем в разных мирах. Я расту, мой бизнес растет, мой круг меняется. А ты? Тебе ничего не интересно, кроме этой кухни и сериалов твоих бабских.

Пальцы слабеют от такого заявления, полотенце падает к ногам. Таращусь на мужа во все глаза от шока, а он продолжает, не жалея:

– Я прихожу домой и не могу даже нормально поговорить со своей женой, настолько мы разными стали. О чем с тобой говорить, Сонь? О том, какую стряпню ты сегодня наделала или о том, что там соседки тебе насплетничали?

Муж придирчиво оглядывает меня с ног до головы и морща нос, смотрит в духовку

– Вот что в ней сейчас? С чем на этот раз запеканочка? С хвостом ежа? Хотя бы интересно было, но наверное, все как обычно, точно так же, как это чертово домашнее платье на тебе в горошек, которое я терпеть не могу.

Становится мерзко, в горле образуется ком. Игнат сейчас серьезно за все это предъявляет мне?

Сам же хотел идеальную жену рядом, не один раз об этом твердил, а теперь жалуется, что я с дома не вылезая, чтобы все держать в уюте, каком он и хотел.

– Мне нужен другой человек рядом, – продолжает Багров, и в голосе у него уже звучит откровенное раздражение. – Который идет со мной в ногу, а ты второй год стоишь на месте.

– Это ты сказал мне не работать, – шиплю я ему в ответ. – Соня, занимайся домом, деньги есть, я обеспечу. Забыл, да?! У меня распределение было после института, Игнат! Меня с практики готовы были взять с руками и ногами, но я отказалась из-за тебя!

– Ой, вот только давай без этого, – Игнат закатывает глаза. – Никто тебя не заставлял. Это было твое решение. Была бы умнее, согласилась.

– Мое?! Я работать хотела, но ради тебя стала лучшей женой! Дом идеален, я выгляжу хорошо, даже это платье ты раньше хвалил, вот я его и ношу, и у тебя каждый раз все чистое и свежее. Что не так?!

– Если бы ты хотя бы чем-то занималась эти два года, помимо дома, может быть скучной и не стала. – Игнат смотрит на меня как на не очень умного ребенка. – Языками, творческими курсами какими-нибудь, ну хоть чем. Но ты же ничего не хотела. Тебе и так было хорошо. Мы разные.

Ничем не занималась? Слова Игната выбешивают все сильнее.

Я помню как начинала то одно, то другое, но вместо поддержки только: Что говоришь? А, давай обсудим это потом, я очень устал.

Ему не были интересны мои курсы рисования, мои попытки в вокал, он не захотел вместе идти на танцы и не поддержал, когда я задумалась открыть хотя бы небольшой кондитерский бизнес, чтобы делать торты на детские праздники.

А теперь я, оказывается, скучная и не интересная!

– Если бы ты была внимательней, то поняла бы, что ты уже давно мне надоела. Я думал, ты сама устанешь от холода между нами и уйдешь. Но приходится говорить прямо, ты в целом умом не блистаешь в последнее время. – прибавляет очередными словами Багров.

У меня щеки вспыхивают от его заявления. Я не хотела признавать, что он уже давно отстранился.

В последние пару месяцев приходил поздно, отмахивался от моих вопросов.

А я то думала, дурочка, у мужа тяжелый период, надо поддержать.

Готовила ему по утрам свежие завтраки, хотя он их почти не ест.

Наглаживала рубашки сама, хотя можно было просто отдать в химчистку.

Я все думала, это стресс, контракт какой-то большой, партнеры давят.

А это оказывается просто я. Я и есть его стресс.

Мы познакомились через общих знакомых. Все завертелось быстро, тогда-то я точно не была ему скучна.

Сам настаивал на отношениях, а затем вообще сделал предложение через полгода, как они начались.

Потом предложил, чтобы я сидела дома, а он с бизнесом все уладит и сразу детей заведем. Так о большой семье мечтал.

Не один раз Багров говорил: Соня, я хочу, чтобы моя жена была дома. Чтобы меня ждали, чтобы был уют, а не как вышло у моего отца с матерью.

И я согласилась, потому что любила его и люблю. Решила отложить карьеру, раз ему было важнее другое.

А теперь, оказывается, не было ему важнее другое. Хочется именно так, как у его отца с матерью и вышло.

Становится обидно почти до слез. И в голову тут же приходит еще одна кричащая мысль, которую я решаю тут же озвучить:

– А я случайно не надоела от того, что у тебя любовница появилась? Например, Анжелика, твоя помощница?

Глава 2

На несколько мгновений между нами повисает тишина, после чего Игнат горько усмехается:

– Серьезно? Из-за того, что я решил быть честен с тобой, ты сразу решила, что у меня есть любовница?

– А что, нет? Столько раз повторил, какая я скучная, это логичная мысль. – сердце в груди начинает биться как бешеное.

Стоит только представить Багрова в объятиях с другой женщиной, как всю душу словно наизнанку выворачивает.

Он ведь мой первый мужчина, единственный для меня.

– Может быть меня сейчас и привлекает какая-то женщина гораздо больше, чем ты, но я тебе не изменял и не собираюсь. Для этого и существуют разводы. – и хоть говорит о том, что в браке изменять не собирался.

Его слова о том, что он заинтересовался другой и что он точно хочет развод, уничтожают меня окончательно, хотя я думала, что это случилось раньше.

Отступаю вперед на негнущихся ногах, со слезами на глазах бросая взгляд на стекло духовки, где все еще готовится любимая запеканка Игната.

– Если бы ты сам высовывал нос дальше своей работы, может быть и увидел, что я не только кухарка и домохозяйка. Или мне надо прямо как клоун тебя развлекать, прыгая вокруг? – спрашиваю, в очередной раз вспоминая, как много раз я пыталась разнообразить свою жизнь разными хобби и активностями, чтобы у нас было больше общего.

– Было бы неплохо, у нас же даже детей нет, а то так говоришь, как будто упыхиваешься тут как лошадь. Я бы еще понял, будь у тебя какие-то подруги, но ты же дома сидишь как мышь, с одной или двумя соседками иногда болтаешь и даже фитнесом из дома занимаешься. – выплевывает Игнат, смотря на меня с отвращением, очевидно от того, что я сделала шаг к духовке даже во время нашей ссоры.

А я просто взглянула, лишь бы пожар вдруг не начался, если что-то пригорать начнет. Мы и правда разные, кажется, даже одно движение для нас имеет свои смыслы.

Моя рука невольно ложится на живот. Там, внутри, уже как семь недель растет наш ребенок.

Я узнала три дня назад, задержка оказалась дольше положенного, вот и сделала тест.

Хотела ему рассказать все сегодня. Обрадовать...

– Хорошо, – говорю я, осознавая, что это конец нашей семьи.

Игнат чуть приподнимает бровь.

Видимо, ожидал еще большей истерики.

– Иди к черту, Багров. – говорю громче, увереннее, чтобы не было так больно. – Ты, видимо, сам не вырос, как бы не хотел казаться, так как твои требования слишком разнятся. Желаю удачи найти ту, которая будет все успевать и быть для тебя еще более интересной и идеальной.

Я иду в спальню. Спина прямая, подбородок вверх, хотя в голове каша, но он этого не увидит. Не дождется.

Достаю чемодан, кидаю туда вещи как попало.

Обручальное кольцо кладу на тумбочку. Оно звякает о дерево, и я на секунду замираю от этого звука.

Нет... обратного пути не будет. Игнат сам выбрал бросить меня.

– Соня, ну давай без сцен, – говорит Багров, заходя следом в спальню в тот момент, когда все свои вещи из шкафа я скидала в чемодан, – Куда ты так торопишься. Я же не урод, выгонять тебя так быстро. На первое время квартиру сниму, нормально вещи соберешь и...

– Не надо мне от тебя ничего, – отрезаю я, не оборачиваясь.

Квартира все равно его, куплена до брака. И юрист у него хороший, я видела, как они с Артемом Сергеевичем работают.

Я не дура, в имущественные войны ввязываться не буду. К маме поеду.

Она одна живет, в двушке. Всегда говорила, что ей там одиноко.

Когда прохожу мимо Багрова, он не двигается с места и уже я задеваю его плечом, уходя из спальни в коридор.

– Запеканка в духовке. Не сожги дом.

После этих слов я покидаю квартиру.

Теперь снова живу у мамы, в своей старой комнате и каждое утро просыпаюсь с мыслью, что это все сон.

Что сейчас зазвонит телефон, и Игнат скажет, что погорячился, что просто сошел с ума.

Извинится и попросит вернуться. Вот только он не звонит.

Вместо этого приходят сообщения от его помощницы:

"Софья Андреевна, документы на развод готовы, подъезжайте к двум, по адресу, что скину ниже".

Я подъезжаю и все подписываю.

Багров сидит напротив и за все время смотрит на меня два раза.

Заявление рассматривают за пару дней. Обычно не меньше месяца. Но у Игната везде свои люди.

Как все заканчивается, еду обратно домой к маме.

Она встречает меня с чаем и любимым пирогом. Молча кормит, а потом крепко обнимает.

Ни о чем не спрашивает, и за это я ей особенно благодарна.

Выхожу на балкон, чтобы перевести дух, смотрю во двор.

Просто не укладывается в голове, как можно несколько лет жить с человеком, спать в одной кровати, планировать поездки, говорить, что любишь, а потом так жестоко бросить.

Теперь я опять Смирнова. Фамилию я вернула сразу, даже думать не стала.

Багрова осталась там, где услышала, что надоела своему любимому человеку.

Но ничего. Опускаю руки еще на плоский живот и точно знаю, что я сильная, я обязательно со всем справлюсь.

Глава 3

Проходит месяц, потом второй.

Я устроилась в ту самую компанию, куда меня звали после практики. Удаленно.

Оказывается, меня там до сих пор помнят, и когда я написала, ответили буквально через час.

Ольга Павловна, моя бывшая руководитель практики, обрадовалась мне как родной. Сказала, что всегда знала, что я вернусь.

Работа мне нравится. Я веду отчетность по двум проектам, успеваю общаться с коллегами в чате, иногда даже созваниваюсь.

Мне платят нормально, на самостоятельную жизнь хватает, и это самое главное.

Даже думала переехать от мамы, чтобы не стеснять, но она попросила этого не делать, так как вдвоем веселее.

Беременность идет спокойно и это не может не радовать. Токсикоза почти нет, только первые недели мутило по утрам, а потом отпустило.

Давление в норме, анализы хорошие, врач в консультации каждый раз улыбается и говорит, что у меня образцовая беременность.

Двадцатая неделя. Я иду на УЗИ узнавать пол.

Сижу в коридоре в очереди, смотрю на других женщин вокруг. Все они такие разные, кто-то сидит с мужем, кто-то сам или с родными.

Именно в этот момент меня впервые накрывает.

Достаю телефон. Открываю контакты

Сижу и смотрю на имя бывшего мужа. Палец висит над сенсорной кнопкой.

Думаю, а что, если написать ему...

Не позвонить, а именно написать.

"Игнат, сегодня узнаю пол ребенка. Я тебе ничего не должна, и ты мне не должен, но я посчитала, что нужно сказать".

Я даже начинаю набирать этот текст.

И тут меня вызывают в кабинет. Это действует на меня отрезвляюще.

Я стираю набранное, убираю телефон, направляясь в кабинет.

Ложусь на кушетку, задираю футболку, врач водит датчиком, смотрит в экран.

– Поздравляю, мамочка. У вас мальчик, – говорит она, не отрывая взгляда от монитора.

– Хороший, крупный. Все в порядке.

Мальчик.

Я смотрю в потолок и ощущаю, как слезы текут по лицу, катятся за уши.

Женщина делает вид, что не замечает, это у них, наверняка не редкость.

Затем протягивает мне салфетку для слез, после чего распечатывает снимок, отдавая его мне.

Когда я выхожу из кабинета, сажусь на ту же скамейку. Смотрю на черно-белую картинку. Вот он, мой Матвей. Сын.

Я еще в коридоре решила, что, если мальчик, то Матвей. Мне это имя всегда нравилось. Телефон снова в руке и снова палец висит над номером бывшего мужа.

Нет. Нет, Соня, нет.

Ты не будешь ему звонить. Это глупо.

Сердце напоминает о не до конца умерших чувствах, но это ошибка.

Ее нельзя совершить.

Проходит еще несколько недель.

Мысль о том, чтобы позвонить, возвращается не раз и не два.

То среди ночи, когда я не могу уснуть и ворочаюсь с боку на бок.

То утром, когда вижу в ленте новостей какое-то упоминание компании Богрова. То вечером, просто так, без повода.

И каждый раз я сама себе говорю, все, Соня, забыли, дальше без него. А это желание все возвращается.

Становится страшно, что я потом, через много лет буду жалеть, что не сказала. Что Матвей спросит, где папа, и я не буду знать, что ответить.

Однажды вечером, на тридцать четвертой неделе, я сижу на кухне, пью чай.

Мама ушла к соседке. В квартире тихо.

Я беру телефон, палец трясется, но я нахожу его номер в книжке. Остается только нажать.

Я не нажимаю. Сижу и смотрю на экран минут пять. Потом кладу телефон рядом с кружкой, вздыхаю, встаю, иду в зал. Включаю телевизор, чтобы отвлечься. Щелкаю каналы.

И замираю.

На экране Игнат.

Мой бывший муж, в роскошном костюме, весь с иголки.

Это репортаж с открытия какого-то его нового объекта, торгового центра, кажется, я не вслушиваюсь.

Он стоит с большими ножницами у красной ленты и улыбается. А рядом с ним девушка.

Высокая, длинноногая. Темные распущенные волосы, уложенные роскошной волной. Платье облегающее, бежевое. Чуть ли не голливудская улыбка и сияющие глаза.

Это про нее он говорил, когда сказал, что возможно уже кем-то заинтересован больше, чем мной.

Игнат обнимает ее свободной рукой за талию. Она смеется, запрокинув голову, и он смотрит на нее, совсем не так, как смотрел на меня в последние месяцы.

Они вместе перерезают ленту. Она что-то ему говорит на ухо, он кивает, а потом поворачивается к камерам.

Я смотрю телевизор до конца сюжета.

Вот и хорошо. Спасибо вселенной за знак.

Я увидела это до того, как сделала то, о чем бы точно потом жалела.

Он не один.

Ему не надо ничего знать. Ни про беременность, ни про Матвея, ни про меня. Мы для него закрытая глава.

Он идет дальше, под руку с роскошной и явно весьма эрудированной женщиной.

Я глажу живот, и Матвей толкается мне в ладонь.

– Проживем, сыночек, ты и я. Без него лучше, слышишь? Вот честно, лучше. У тебя будет мама, бабушка, своя комната, игрушки, садик, школа. У тебя все будет. Папы не будет, но это ничего. Не у всех есть папы, и живут же.

Я иду за телефоном, беру его.

Смотрю несколько секунд на контакт.

Нажимаю "удалить".

Все. Теперь точно все.

Глава 4

Игнат!

Трель дверного звонка прекращается буквально на секунду, а потом начинается заново.

Перерыв, звонок, перерыв, звонок. Кто-то решил поиздеваться?!

Я едва ли не рычу, вылезая из-под одеяла.

Какого черта в единственный выходной за последний год я не могу хотя бы на пару часов больше выспаться?!

Это при том, что я лег в пять утра, потому что моя фирма наконец закрыла многомиллионный контракт с китайцами.

Заслужил я, в конце концов, нормальный сон, или нет?!

Раздраженно жму на боковую кнопку смартфона. Часы высвечивают 9:20. А трель, тем временем, не прекращается, звуча с все более короткими перерывами и этим только сильнее накаляя нервы.

Натягиваю штаны, которые валяются у кровати, провожу рукой по волосам, но это бесполезно, они все равно торчат во все стороны. Да и плевать. Тот, кто додумался звонить в такое время, и не такое зрелище увидит.

Полный решимости прибить хулигана, трезвонящего в дверь, я резко распахиваю ее и гаркаю:

– Какого черта надо? Руки поотрывать?! Сегодня никого не жду!

И сразу после этого рывка я застываю на пороге. Точно так же, как присевший для прыжка малыш застывает у моей двери.

Он смотрит на меня широко распахнутыми в испуге глазами, вытянув ручонку с оттопыренным пальцем.

Проследив за его направлением, я понимаю, что карапуз, похоже, подпрыгивал, чтобы звонить в дверь.

Надо было выше его делать, тогда бы и хулиганы-недоросли не доставали.

– Здравсьте, – мелкий, которому на вид лет пять, распрямляется и прячет руку за спину.

Он пытается храбриться, но до сих пор выглядит перепуганным и я, чтобы не шугать малыша еще больше, смягчаю тон.

В конце концов, ребенок есть ребенок, ну звонил он в дверь, со всеми бывает.

Я сам в детстве такими глупостями развлекался, правда, сразу убежал, а этот стоит, не убежал.

– Здравсьте. Квартирой ошибся? Мама твоя где?

– Мама на работе, – бодро докладывает ребенок и улыбается во весь рот.

Переднего зуба нет и выглядит это забавно.

Оглядываю коридор. Пусто. Действительно ни мамы, ни бабушки, ни няни, никого.

Ребенок один.

Вот и где, спрашивается, родители?

Как можно отпустить ребенка в таком возрасте бегать по подъезду, звонить в чужие квартиры?

Я бы своего, если бы был, под таким надзором держал, что муха не пролетит и пыль не проскочит.

– Ясно... а тебе, значит, заняться нечем и ты решил развлечься и звонишь в чужие двери? – хмыкаю я, приваливаясь плечом к косяку двери.

– Я пришел к папе. Мне нужен... – малыш важно пыхтит, принимаясь копать в карманах своей курточки. Наконец он достает обрывок листочка и сует его мне, – Вот.

Хмурюсь и медлю, прежде чем взять в руки бумажку. Вдруг это новый развод какой-то?

Сейчас любят детей в подобные штуки втягивать, ребенку же не откажут в помощи. Мошенники чего только не придумают.

Пару месяцев назад мне Антон рассказывал, как на его тещу вышли через внука, тот ей позвонил с незнакомого номера.

Хорошо хоть вовремя разобрались, узнали, что использовали специальную программу, до этого записав голос парня.

Чуть денег не лишилась.

Но малыш пялится на меня снизу вверх чистыми голубыми глазищами так доверчиво, что я все-таки беру листок.

На нем ровным, явно взрослым почерком выведены имя, фамилия, отчество и адрес.

Мои имя, фамилия, отчество. И мой адрес.

Квартира, подъезд, все верно.

– Багров Игнат Маркович? – читаю я вслух вопросительно свое имя.

– Да.

– И зачем он тебе?

– А вы зачем спрашиваете? – неожиданно подозрительно сощурившись, спрашивает пацан.

Я фыркаю. Ну надо же, недоверчивый какой. – Это я, – возвращая лист ребенку, говорю в ответ.

Малыш складывает бумажку обратно в карман курточки, делает это сосредоточенно, двумя руками, будто документ государственной важности убирает.

Потом поднимает на меня глаза, и я вдруг ловлю себя на мысли, что они мне что-то напоминают.

Сердце что-то царапает, но я не успеваю додумать причину.

– Тогда ты, мой папа! – заявляет радостно малыш и растягивает рот без зубика в довольной улыбке.

Глава 5

Я смотрю на пацана, чувствуя, как сердце о ребра ударилось грубо сразу после его слов. В голове одновременно крутятся три мысли.

Первая – это какой-то бред, не мой ребенок, быть не может.

Вторая – кто его мать и откуда у него мой адрес? Об этой квартире из моих знакомых никому неизвестно, я сюда приглашал лишь только самых близких, кто не стал бы трепаться.

И третья, самая неприятная мысль – эти глаза и эта щель от передних зубов и были причиной того, что мое сердце царапнуло еще до того, как я услышал эти сумасшедшие слова о отцовстве.

У меня у самого в детстве молочные зубы выпали с дикой щелью, мама еще кучу фоток наделала, так как ей это особенно милым казалось.

Он реально похож на меня.

Малыш бросается обниматься, а я так и стою, как громом пораженный.

Ребенок?? У меня? Что за бред! Я уже больше пяти лет как холостяк.

Хорошо продуманный обман? Или это какая-то из бывших любовниц решила своего нагулянного подослать?

Не отпустит же адекватная мать такого маленького ребенка без присмотра. Значит, рядом где-то ошивается, мошенница нерадивая.

– Подожди-ка, – мягко отстраняю от себя малыша, – Тебя как зовут?

– Матвей!

Нахмурившись, разглядываю ребенка внимательнее. И поневоле замечаю еще и мелкие черты сходства между нами. Ямочка на щеке, родинка ближе к шее, форма бровей...

Он все больше и больше на меня кажется похожим.

Да нет, бред какой-то. От хронического недосыпа уже схожесть мерещится.

Мало ли на свете темноволосых пацанов с голубыми глазами и ямочкой на щеке.

Половина детского сада, наверное, такая. Просто совпадение. И родинки у многих бывают, это не доказательство.

Тем более, если бы от меня залетела какая-нибудь ушлая особа, мигом бы примчалась, рассчитывая на щедрое содержание.

Зарабатываю я приличные деньги и на них бабы слетаются, как на мед.

А тут вдруг пять лет ребенка прятала.

Нет, так не бывает.

Если уж такая схема и есть, то баба себя сразу заявляет, пока еще токсикозом мается, чтобы точно выбить с мужика все, что можно.

Это точно не мой. Кто-то решил рискованно сыграть в обман, и явно рассчитывают на то, что я растаю от голубоглазого карапуза, признаю себя папашей и начну сыпать алиментами.

Не на того напали.

– Так где, говоришь, мама твоя?

– Сказал же, на работе, – насупливается Матвей.

Явно не такого приема ожидал. Ну извини, малой, но я точно не твой папаша.

Выглядываю на лестничную клетку, но никого на ней не вижу. Значит, либо на другом этаже, либо на улице ждет...

– Ну-ка заходи, – открываю шире дверь и пропускаю мелкого внутрь. Не бросать же его без присмотра.

Заметно повеселев, Матвей входит в прихожую, сам расстегивает куртку и снимает маленькие ботиночки.

Даже тапочки находит домашние и их обувает. Самостоятельный какой. И смешной, в огромных мужских тапках, они у него с ноги спадают, и он шаркает ими по паркету, балансируя.

Набираю пока номер охраны и даю указание проверить этажи выше и ниже своей квартиры, плюс прилегающую территорию.

Лешка на том конце обещает перезвонить через десять минут.

А сам тем временем веду нежданного гостя на кухню и сажаю за стол.

– Извини, Матвей, конфет у меня нет. Даже не знаю, чем тебя угостить, – говорю, оглядывая озадаченно по-холостяцки пустую кухню.

Сам я себе не готовлю, привык есть в ресторанах. Так что и продуктов толком у меня нет в холодильнике.

Открываю верхний шкаф на всякий случай.

Вижу пачку печенья, которую Анжелика оставила месяц назад, когда приходила помочь с работой.

Чтобы быстрее все закончить с контрактом, мы собрались с самыми близкими для меня ребятами, дабы устроить мозговой штурм.

Виктор, муж Анжелики, предложил тогда заказать на всех доставку, чтобы быстро перекусить и она как раз выбрала себе печенье для чая, пока мы с мужиками и Алиной Сергеевной решали, кто что будет.

Беру, осматриваю срок годности. Еще нормально. Высыпаю несколько штук на тарелку, ставлю перед мальчиком.

– Я не голодный. Я в садике запеканку кушал. – отмахивается Матвей, разглядывая меня с любопытством.

Замечаю, как он нервно мнет пальчиками краешек свитера. Волнуется...

И я, взрослый мужик, вдруг на секунду чувствую себя не в своей тарелке.

Сажусь напротив, наливаю себе воды, делаю большой глоток. Надо собраться.

Надо узнать у ребенка все, что можно, и понять, откуда он вообще взялся.

Потому что, как ни крути, это живой ребенок, и отправлять его обратно на улицу нельзя.

А звонить в полицию, пока не выяснил, чей он и откуда, тоже не хочется.

Вдруг мама нормальная, просто где-то рядом, отлучилась на пять минут, а пацан дал деру, все же перепутав меня с другим папашей

Нахмурившись, я говорю:

– Раз не хочешь печенье, расскажи мне, где ты живешь?

– Улица Ильинская, дом сорок шесть, квартира пятьдесят два, – рапортует мне без запинки ребенок.

– Какой молодец, адрес помнишь, – хвалю я, а сам думаю, Ильинская, сорок шесть. Надо запомнить.

Потом пробую, что за адрес, кто там живет, кто прописан. У меня есть через кого это быстро узнать, за пару часов все выяснят.

– Мама сказала выучить. Чтобы если я потеряюсь, дядя полицейский мог меня домой привезти.

– Хорошая у тебя мама. – хочу после этих слов еще несколько вопросов задать, но не успеваю.

– Самая лучшая! – серьезно кивает малыш и обезоруживает по-детски наивным вопросом, – Папа, почему ты нас бросил? Это... это потому что я плохой?

Глава 6

От этого вопроса меня как током шарахает.

Слова Матвея поневоле заставляют вспомнить, что когда-то и я, будучи малым, задавался этим вопросом.

Вспоминаю себя в его возрасте. Как сидел у окна, смотрел на двор, и каждый раз, когда слышал хлопок двери, дергался, бежал в коридор.

Думал, отец вернулся обратно домой, но это всегда была либо мама, либо бабушка или дедушка.

Они сперва напоминали, что у отца много работы, как и у мамы, поэтому его нет рядом теперь.

Потом уже объясняли, что он уехал в долгую командировку. А затем... уже просто молчали.

Я вырос и узнал, что он просто ушел к другой, потому что они с мамой отделились друг от друга из-за того, что все поставили на карьеру, забыв о друг друге.

Тогда я решил, что не буду как отец, что моя жена не будет работать, всегда будет дома, создавать уют, растить детей, чтобы им не было одиноко, как мне и все будет гораздо лучше...

Но я вырос и понял, что не все так легко и даже когда жена ждет тебя дома каждый день, вы можете стать друг другу чужими, словно просто соседями.

Хотя, если бы у меня был ребенок, я ни за что бы не ушел, запретил бы себе жаловаться и сделал бы все, чтобы сын или дочь были счастливы.

Тяжело смотреть на малыша, который просто хочет, чтобы у него был папа, чтобы его любили...

Из мыслей вырывает звонок. Беру трубку незамедлительно.

– Босс, на этажах никого нет. На улице тоже. – тут же отчитывается Лешка.

Кошусь на Матвея, тот разглядывает обстановку кухни, поняв, что я ему сейчас не отвечу.

Губы кусает, ножкой дрыгает. Расстроен, что я проигнорил.

– Камеры проверь тщательно. Еще адрес тебе скину, пробей, кто там живет.

– Будет сделано.

Сбрасываю звонок и пишу короткое сообщение с адресом, который мне мелкий назвал.

Глубоко вдыхаю, засовываю телефон в карман домашних штанов.

– Ты не веришь, что ты мой папа, да? – раздается печальный голос пацана.

Чертыхаюсь под нос. Он смотрит снизу вверх, и в глазах у него такая недетская усталость, что мне становится совсем не по себе.

– Послушай... – подбираю слова, чтобы не слишком его травмировать, – Ты маленький и вряд ли понимаешь...

– Я не маленький! – насупливается мелкий. И то, как его брови сдвигаются, а взгляд темнеет...

Я почти так хмурюсь на переговорах, когда мне пытаются впарить заведомо невыгодные условия.

Жена бывшая, помню, смеялась неловко, говорила, что я в такие моменты заставляю ее сердце быстрее биться и ладонки потеть, как если бы был ее начальником тоже, который сейчас отчитает по полной.

Бывшая... мысль о ней царапает внутри, но быстро растворяется из-за других проблем.

Мне нужно разобраться с этим пацаном.

– Хорошо. Раз ты не маленький, давай-ка разберемся как взрослые люди.

Матвей кивает, хмуро глядя на меня. И я снова ловлю себя на мысли, что мне хочется взять его на руки, поднести к зеркалу и точно так же нахмуриться.

Настолько это похоже. Черт.

– Ответь, как зовут твою маму?

Когда я это спрашиваю, пацан весь собирается, очевидно желая доказать мне, что он прав, а я нет.

– Соня! – а затем он произносит имя.

И меня будто обухом по голове шарахают. Соня?? Это же... нет, не может быть.

Сонь много. Это имя далеко не редкое.

У меня в отделе маркетинга одна Соня, у подрядчиков главбух Соня, даже у парикмахера моего дочку так зовут.

Мало ли. Совпадение. Не паникуй, Багров. Не паникуй.

– Так... понял. А фамилия? Какая у твоей мамы фамилия? – требую хрипло ответа.

– Смирнова. – Матвей улавливает то, как изменилось мое поведение, но он, очевидно, не понимает, насколько его слова шокирующие.

Соня Смирнова... это же моя жена бывшая!

Неужели... неужели это реально мой сын?

Какова вероятность, что она и правда скрыла ребенка от меня?? Моего ребенка!

И если бы он вдруг случайно не узнал обо мне и не прибежал сюда, я бы так и не узнал!

Или она вдруг таким странным способом решила алименты потребовать, поэтому подослала Матвея?

Хотя нет. Соня не из таких.

Я ее за два года брака изучил неплохо, и пусть она была какой угодно, серой, скучной, но точно ушлой и корыстной она не была никогда.

При разводе ничего не взяла, хотя могла хотя бы поскандальить для приличия и что-нибудь потребовать.

Но она лишь развернулась и сразу ушла, с концами.

А если не взяла тогда, значит, и сейчас не за алиментами.

Значит, она просто родила и молчала. Пять лет молчала.

Растила моего сына одна, даже ни разу не намекнув, что он существует.

Посчитала меня недостойным для этого знания? Решила, что я буду паршивым отцом, раз наш брак разошелся?

Соня просчиталась.

Если ребенок мой, то я его отберу.

Сын должен расти с отцом! А она должна была сказать о том, что родила, а не скрывать беременность!

Глава 7

!Соня!

С самого утра день превращается в кошмар.

На носу отчет, еще и начальница, кажется, решила меня специально загнать так, чтобы я сама место освободила.

Иначе как назвать то, что она решила свалить на меня кучу обязанностей, которыми обычно занимаются три человека?

Конечно, я давно заметила, что я ей не нравлюсь. Какое-то время назад мне приходилось брать несколько больничных, потому что Матвей сильно болел и каждый поход в садик заканчивался температурой чуть ли не под сорок.

Но заядлым чайлдфри, которые и в пятьдесят категорически против детей, разве докажешь, что ребенок болеет не специально...

Печатаю за компьютером в позе креветки уже не один час и голова гудит с каждым мгновением все сильнее.

Кофе на столе остыл, бутерброд, который я сделала себе еще в восемь утра, так и лежит нетронутый. Коллеги шуршат вокруг, кто-то смеется у кулера, кто-то обсуждает новый сериал.

Даже завидую немного, никому столько обязанностей не накидывают, как мне. Раз больничные чаще других брала, то и отрабатывать должна как за толпу после...

Но гораздо хуже становится, когда раздается звонок и после того, как я принимаю его, слышу голос воспитательницы из детского сада.

Она в слезах сообщает мне, что Матвей пропал! Я чуть на месте не седею.

Каким бы важным не был отчет и как бы мне не хотелось не получать выговоров, я бросаю все.

Мчусь в детский сад, а потом и в полицию, заявление писать.

Что я переживаю за эти часы, словами не описать. А потом ко мне подходит рослый бугай и говорит, что знает, где мой сын.

Любая бы на моем месте подумала, что это какой-то бандит, который ребенка выкрал и выкуп пришел требовать.

Так бы и упала в обморок от ужаса.

Но я сперва кидаюсь на мужика, пытаюсь выбить из него всю дурь за сына, а потом, когда он меня чуть в рогалик не сворачивает, уже без вопросов сажусь в машину и всю дорогу трясусь, как осиновый лист.

Только бы с Матвеем ничего не сделали! Пусть со мной что хотят творят, но только не с сыном!

В голове пролетают все страшные истории, о которых я только слышала.

Репортажи по телевизору, заметки в интернете, случаи моих подруг и их подруг.

Я сжимаю сумку до побелевших костяшек и молюсь всем, кого вспоминаю.

Лишь бы живой. Лишь бы целый.

Я готова продать наши с мамой квартиры, взять любые кредиты, отдать все, что есть и чего нет, лишь бы вернуть сыночка.

Сердце колотится так, что я, кажется, слышу его в ушах.

Мы оказываемся в центре города, у высокого дома люкс сегмента. Тут, очевидно, есть подземный паркинг, но машина останавливается у входа на улице.

Я этот район, в общем-то, знаю, но бывать у этого здания доводилось разве что мимоходом, не попадая на закрытый двор. Никого знакомого тут нет.

– Что дальше делать? – хмурюсь непонимающе.

– Поднимитесь в квартиру. Последний этаж, дверь будет одна. Ваш сын там, – коротко отвечает мордоворот.

Он даже из машины не выходит.

Смотрит вперед, через лобовое стекло, будто меня рядом и нет и от этого еще страннее. Не зная, что и думать, выбираюсь на улицу.

Бегом добираюсь до подъезда, набираю домофон, меня впускают молча. В лифте нажимаю на последний этаж и стою, опираясь ладонью о стенку.

Ноги подкашиваются. От страха, от бега, от полного непонимания, к кому меня вообще привезли и что мой сын тут делает.

Лифт оповещает меня о прибытии на нужный этаж, двери открываются. Нахожу одну единственную тут квартиру, жму на кнопку звонка и палец не снимаю, пока замок не щелкает.

Когда дверь распахивается, тогда я понимаю – вселенная решила меня добить.

Потому что на пороге собственной персоной стоит мой бывший муж. Игнат Багров.

Все такой же брутальный и притягательный, да даже больше возмужавший за пять с половиной лет, что после нашего развода прошли.

На секунду мне кажется, что у меня сейчас подкосятся ноги еще сильнее. Я даже хватаюсь за косяк двери.

Потому что этого лица я не видела столько лет, что успела убедить себя, будто забыла. А оказывается нет.

Не забыла ни линию челюсти, ни этот взгляд, от которого по коже мурашки, ни то, как он стоит, слегка сжав плечи, как будто каждый дверной проем ему узковат.

Мы смотрим в глаза друг другу и мое глупое сердце екает и ускоряет ритм.

Думала, что забыла, вычеркнула из жизни навсегда даже упоминание любое, а сейчас смотрю в глаза Игната и внутри все скручивает от боли.

– Мама! – слышится за спиной бывшего мужа радостный возглас Матвея.

Словами не передать, какое облегчение я испытываю, когда слышу голос своего крохи!

Протиснувшись мимо широченного Багрова, я бегу к сыну, забыв даже обувь снять.

Ловлю его на руки и прижимаю к себе, целую и плачу от облегчения, оседая на пол.

Живой и здоровый! Слава богу!

Руки у меня трясутся, я щупаю его всего, плечи, спину, головку, проверяю, не холодный ли, не вспотел ли.

– Мам, почему ты плачешь? – растерянно спрашивает он.

Отстранившись, я зыркаю в сторону Игната, что все это время хранит молчание.

Только смотрит внимательно и цепко, сурово сведя брови к переносице. Матвей тоже так хмурится...

И от этого мне становится еще страшнее. Потому что не заметить сходства невозможно.

Сейчас, когда они стоят в одном коридоре, в одном свете, это бросается в глаза как никогда.

Черт. Что же делать?

– Так, солнце, – говорю я как можно спокойнее, поднимая сына с пола и беря за руку. – Пойдем.

Веду его по коридору. Квартира большая, чужая, но я быстро нахожу комнату попроще, похоже на гостевую, с диваном и журнальным столиком.

Сажаю Матвея на диван, достаю из его рюкзачка планшет, который всегда с ним на всякий случай. Включаю, нахожу приложение с мультиками, ставлю его любимым, протягиваю наушники.

– Надень. Посиди тут, посмотри, поиграй, если захочешь. Я скоро.

– Мам, а ты куда?

– Мы с дядей поговорим в коридоре. Недолго. Ладно?

Он кивает, послушно надевает наушники и утыкается в экран, ему не часто позволено так зависать, поэтому это достаточно отвлекает.

Я плотно прикрываю за собой дверь комнаты и иду обратно.

Вытираю слезы и с вызовом смотрю на Игната.

Кажется, сейчас мне предстоит отвоевывать сына... у его собственного отца.

Глава 8

– Что ты наплел моему сыну? И как он вообще оказался у тебя??

– Твоему сыну? – изгибает вопросительно бровь Игнат, – Ты имеешь в виду нашему?

Когда Багров выделяет последнее слово интонацией, меня будто ледяной водой окатывают.

Во рту встает ком. Черт... черт, черт!

– Что молчишь? – напирает бывший муж и наступает, оттесняя меня к стене, – Ты скрыла от меня сына!

– Никого я от тебя не скрывала, Багров. Это не твой ребенок, – лгу дрожащим голосом. Ему незачем знать, что после развода я ушла беременная.

Мы теперь чужие люди. Он сам вычеркнул меня из своей жизни тогда, вечером на кухне, со словами про серость и скуку.

А я вычеркнула его в день, когда увидела по телевизору с той женщиной в бежевом платье.

У нас у каждого была своя закрытая дверь в прошлое, и открывать ее сейчас я не собираюсь.

Ни за что.

Даже если он сейчас порвет меня на куски.

– Не мой?? Мы развелись, а через семь месяцев ты родила! Я всю твою подноготную уже поднял, так что не делай из меня идиота! – рявкает он.

– Это больше не имеет значения! Мы в разводе и Матвей – только мой сын, и точка! Отца у него нет!

– О нет, дорогая, ты ошибаешься, – усмехается Багров, склоняясь ко мне и выдыхая прямо в губы, – Отец у него есть. И я ни за что не позволю больше отобрать у меня сына.

Застываю, потрясенно глядя на Игната.

От его близости перехватывает дыхание, и я ненавижу себя за это.

Ненавижу за то, что тело и сердце помнит, хотя голова давно забыла.

Я упираюсь ладонями ему в грудь, отталкиваю. Он не двигается, только опускает взгляд на мои руки и усмехается, едва заметно, уголком рта.

– Что значит "не позволишь отобрать"? – нервно тараторю, одновременно пытаюсь придумать план дальнейших действий.

– Я не собираюсь больше стоять в стороне. Матвей и мой ребенок тоже. Я собираюсь подавать иск о признании отцовства и разделении опеки, – жестко отрезает Багров.

Эти слова оказываются для меня хуже пощечины, нет, даже хуже ножа в грудь.

Да как он смеет! После того, как сам бросил!

В голове у меня вспыхивает все разом.

Бессонные ночи, когда Матвей в три месяца кричал от коликов, а я ходила с ним по комнате, шатаясь от усталости.

Или его первая температура под сорок, когда я чуть с ума не сошла от страха и врача вызывала посреди ночи.

А его первые шаги, первые слова, первая ссадина на коленке.

Все это мое. Наше с мамой. А Игната не было. Вообще. Ни звонка, ни сообщения.

Он ни разу не пытался узнать, как я, куда делась, жива ли. Его просто не было.

А теперь он говорит про опеку... ненавижу!

– Так значит, теперь ты решил, что можешь побыть примерным папочкой? Когда все трудности с коликами, первыми зубами и бессонными ночами я прошла, и когда бизнес в гору попер? Появилось вдруг время на сына? А ты спросил Матвея, нужен ли ты ему вообще?

Во мне все кипит.

Буквально кровь в жилах бурлит от возмущения и злости.

Я даже внимания не обращаю на то, что мы все еще стоим вплотную друг к другу и Багров нависает надо мной.

Голос у меня срывается, я понимаю, что начинаю говорить слишком громко, и заставляю себя понизить тон. Матвей за дверью, и не хватало еще, чтобы он слышал.

– Нужен ли я ему?? Ты это сейчас серьезно? – Багров тоже еле держит контроль.

Мы сверлим друг друга взглядами, как лазерами.

– Серьезнее некуда. – снова шиплю и снова пытаюсь от себя оттолкнуть.

– Он сам пришел ко мне и сказал, что я его отец! – а Игнат снова не двигается с места.

– Что?? – я давлюсь смешком, не веря ни капли в сказанное, – Ты шутишь? Ему пять лет!

– И тем не менее, он стоял под моей дверью и звонил в звонок. Повезло, что я оказался дома и что с ним ничего не случилось по дороге. Знаешь, ты очень плохо следишь за сыном!

У меня внутри все обрывается от слов бывшего мужа.

Вот же гад. Нашел, куда ударить. В самое больное место, где я сама себя каждый день грызу.

Что работаю много. Что Матвея вижу только утром и вечером. Что мама из сил выбивается, забирая его из сада, пока я сижу в офисе до восьми. Что на развивашки я его не вожу, потому что не тяну. Что в отпуск мы с ним ездили один раз, на море, и то по горячей путевке.

Но такой чертов карьерист уж точно лучше меня родителем не будет.

– Не тебе меня учить материнству, – цежу я сквозь зубы. – Где ты был эти пять с половиной лет, раз вот так легко уже все про наш адрес и нашу с Матвеем семью разузнал? Мог раньше это сделать, но тебе-то плевать было. Столько лет под ручку с какими-то бабами по телевизору разгуливал, а сейчас пришел и решил, что ты тут имеешь право что-то решать за моего ребенка.

– За нашего ребенка, – отрезает он.

– За моего! – почти срываюсь я на крик, но тут же осекаюсь и шиплю уже тише, – Ты его не рожал. Ты его ни одной ночи не качал. Ты даже имени его не знал до сегодняшнего дня. Какое нашего, Багров?

Он молчит. Смотрит на меня сверху вниз, желваки играют на скулах.

А потом бывший муж произносит совсем тихо, но так, что у меня мороз по коже пробегает:

– Раньше я не знал, да, но сама судьба подарила мне такой шанс. Ты не уследила за Матвеем, так себе мать. Со мной ему будет лучше. Я могу обеспечить его всем необходимым и окружить заботой и вниманием, раз уж ты этого сделать не можешь.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.